

Татьяна
Алюшина

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ АЛЮШИНОЙ

Дом, где исполняются мечты

*

Далекий мой, единственный

*

Беглая невеста

*

С молитвой о тебе

*

Любовь без права на ошибку

*

Мой слишком близкий друг

*

*Девочка моя,
или Одна кровь на двоих*

*

Два шага до любви

*

Двое на краю света

*

Девушка с проблемами

Татьяна Люшина

Девушка
с проблемами

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Д. Сазонова*

Ранее роман выходил под названием
«Счастье среднего возраста»

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Девушка с проблемами : роман / Татьяна
Алюшина. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Еще раз про любовь).

ISBN 978-5-04-182748-9

Саша возвращалась домой, когда дорогу ее машине перегородил здоровенный джип, из которого вышли двое вооруженных громил. Случайное ограбление? Ничуть не бывало! Налицо оказались все признаки серьезных неприятностей. К счастью, нашелся и человек, готовый помочь в решении возникших проблем. Вот только кто объявил охоту на Сашу и чего он, собственно, хочет?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Алюшина Т., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-182748-9

«О господи!! — ахнула про себя Санька. — О господи!!»

И в восторге, исходящем откуда-то из глубины души, где бы она там ни располагалась, Санька потрясенно прошептала:

— Красотища-то какая!! Нереально!

И почему-то тут же разозлилась на себя — ну наконец хоть что-то увидела вокруг! Сколько она уже пилит по этой дороге — минут сорок? Ну полчаса! И ни черта не замечает, пребывая в своем безысходно-уставшем раздражении.

Да, раздражении на всё!!

На Лильку и этот ее звонок дурацкий, на то, что все-таки дала себя уговорить и поехала на ночь глядя к ней на дачу, заранее зная, что это очередная блажь и дурь, а не действительно сколько бы то ни было серьезная проблема.

Как обычно.

Санька начала себя ругать и злиться с того момента, как, сдавшись, согласилась «вот прямо сейчас» приехать.

По-хорошему ей надо выспаться. Давно. И как раз сегодня такая перспектива замаячила, призывно помахивая ручкой и даже улыбаясь. Санька специально вечер освободила, поняв, что просто больше не может.

Вот не может и всё! И надо хоть раз нормально отоспаться.

Нормально в ее представлении — это часиков десять, причем так, чтобы лечь вечером — не ночью, а именно вечером, до двенадцати! — и спать до утра, желательно позднего.

Ну хотя бы девять часов — тоже счастье!

Санька была соней. И очень это дело уважала, иногда позволяя себе такую роскошь, что, собственно, и собиралась сделать сегодня.

Она уже несколько дней подряд чувствовала накатившую тупую усталость, ловила себя на том, что приходится перечитывать документы по несколько раз, чтобы вникнуть в суть. Аврально разобрав все самые-самые важные дела, она освободила пару дней для отдыха. А точнее, для сна, неторопливых утр и просыпаний, кофе с особым смакованием и не на бегу, возможности поленившись, не спеша собраться и выехать на работу не в самые пробки.

И так она на все это удовольствие настроилась — вот прямо сегодня вечером, заранее предвкушала и подумывала, чем бы себя побаловать в заслуженном ленивом отдыхе, что совсем расслабилась.

«Вот же гадство!!» — ругнулась она, увидев на экране звонившего мобильника Лилькин номер и заранее с большой душевной тоской понимая, что он грозит ей испортить так уже хорошо продуманный отдых.

Лилька ныла, стенала, даже слезу пустила — впрочем, без фанатизма, хорошо поставленным актерским голосом, с некой даже долей отстраненности, но проникновенно.

Так было всегда, у Лили в арсенале имелся особый тембр — плаксиво-дребезжащий, бьющий куда-то в подсознание, слышать который долго не рекомендовалось. Строго говоря, вообще не рекомендовалось — ни долго, ни коротко. Как хорошая оперная певица, берущая высокую ноту и удерживающая ее максимально возможное время, Лилька брала свою «ноту», и тут оставалось только два варианта: либо оборвать ее любым доступным способом — выключить телефон, перебить громкими восклицаниями, а при личном контакте выскочить из комнаты, — либо немедленно капитулировать.

Александра смогла выдержать только начало излагаемой просьбы «вот прямо сейчас, немедленно» приехать и поддержать подругу в каком-то очередном труднопереносимом «горе». Ругая себя последними словами за то, что расслабилась и не сообразила вовремя придумать какое-нибудь совещание или важную встречу, она согласилась.

Да уж, Лилечка была еще та штучка!

«Горе» случалось постоянно, степень «горя» укладывалась в довольно большую вилку — от сломанного ногтя до расставания с очередным богатеньким «папиком». Санька каждый раз злилась, тупея от этих «драм», разыгрываемых Лилей, но выслушивала и терпела — все-таки Лилька была ее единственной подругой, если, конечно, их странные отношения можно называть дружбой.

Так что Александра Владимировна, пролетев по МКАД поворот на нужный ей проспект, ведущий к дому и любимой, лелеемой в мечтах кровати, злясь беспредельно и оттого все сильнее давя на педаль газа и все глубже погружаясь в какие-то мрачные размышления, поехала сочувствовать «страдалице».

Санька сделала приемник погромче, попереключала кнопки, перепрыгивая с одной радиостанции на другую в поисках чего-нибудь бодренького — надо же как-то бороться с раздражением; чего уж теперь, раз вляпалась!

«Эх, хорошо страной любимым быть!..» — весело оповестил из приемника звонкий детский голос — из далекой пионерской бодрости, бодрости еще и с песнями.

Нет, ну надо же! Вот спасибо! Как раз в тему, чтоб уж совсем тошно стало!

Страной Александра не была любима.

Причем взаимно.

Вернее, не то чтобы «нелюбовь» — это было просто полное равнодушие, незамечание и неинтерес — со стороны страны, разумеется. Сашка же к отечеству испытывала гораздо более тяжелые чувства — невострєбованные, естественно, но от этого не отсутствовавшие.

А стране ни за каким фигом Александра Владимировна Романова была не нужна, разве что в роли послушной налогоплательщицы, и то когда налоги с нее стали причитаться довольно весомые.

Стране, как выяснилось после перестройки, вообще ни за каким фигом никто не был нужен, разве что одуревшие от жадности и власти мальчонки,

которые с упоением и по-быстрому эту страну разворовывали и насиловали. Остальных она с веселой радостью выплевывала куда подальше: ученых хорошо так, смачно — по всему миру плевок пришелся, вместе с их наукой туда же полетели писатели, художники, спортсмены. Вот новое поколение выплюнуть не удалось — оно беспризорно рассеялось по вокзалам, бомжатникам, детдомам в лучшем случае, зацепившись за то, «что оно выбирает»: дешевое пиво, наркоту и радости жизни в подворотнях. Армию с ментами тоже как-то не удалось по странам рассеять, пришлось здесь, на месте игнорировать, и все остальное под названием «народ» тоже — ну не нефть же это, в конце концов, и даже не лес с газом, чтоб на них внимание обращать!

Раньше, еще несколько лет назад, Саньку иногда одолевали такие муторные мысли — сейчас-то полегче стало, изменилось многое. А когда она вынужденно начала свой бизнес — ой-ой-ой! — так тошно становилось от бесполезности этой обиды и, главное, безликости — на кого обижаться-то? На страну? Да ладно! Сами сляпали, что имеем, все скопом! На неких правителей? На каких? И потом — зачем? Что попусту-то?

Возьми да что-то сделай! Самый прямой и простой путь — возмутись публично и выскажи свое «фи»! На митинг какой сходи, горло подери. Оно, конечно, можно и в партейку вступить с названием типа: «Народу все надоело!» — и шебуршись активно, выказывая свою гражданскую позицию. Дело абсолютно и безнадежно глупое и пустое, зато душу отвести можно, поорав вволю на улицах, потрясая плакатиком. А что?

Хорошо — поорал часика три, получил за крик денежку и бутерброды — и тебе приятно, и главному «духовнику» «Народу все надоело» полезно перед выборами и камерами.

Саше орать не хотелось. Она работала всю жизнь на страну и ее благосостояние, это только последние годы — на свое, а до этого... по двенадцать часов в день и на передовой — то есть в науке, — и всерьез, без дураков, и много чего сделала, и многое из ее достижений работает до сих пор и используется той же страной, которой, собственно, на нее, Александру Романову, плевать со всех своих высоких точек!

«Да, господи, боже мой! — опомнилась Санька, тряхнув головой. — Да чего это меня понесло? Вспомнила былые времена! Это все из-за Лильки. И из-за того, что поспать снова не удастся».

Стараясь отвлечься, она посмотрела вокруг — и вдруг увидела закат!!

Санька сбросила скорость, съехала на обочину и, выключив мотор, во все глаза, упершись подбородком в сложенные на руле руки, смотрела на закат.

Над дорогой, тянущейся длинной серой полосой, круто поворачивающей вдалеке и от этого, казалось, обрывавшейся неожиданно, упираясь в величественные сосны, простиралось небо — ультрамариновое, невероятное! А на небе царил закат.

Сказочный, нереальный! В красках, которые мог себе позволить только Рерих!

Несколько длинных тонких облаков тянулись в полнеба и уходили за горизонт, ярко, броско расцвеченные только что севшим солнцем. Бордовые, золотистые, оранжевые и пурпурные краски перели-